
А. И. КОГАН

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КАШМИРСКОГО СУЛТАНАТА

В статье рассматривается ряд слабо исследованных проблем истории Кашмира в раннемусульманскую эпоху. Круг этих проблем включает возможные последствия монгольского владычества, технологические и хозяйственные изменения, этнические и религиозные процессы. Автор приходит к выводу, что основной причиной перемен в разных сферах жизни кашмирского общества явилась массовая миграция с севера и последовавшая за ней смена этнического состава населения.

Ключевые слова: *Кашмир, история мусульманских государств, социальная история, этнические процессы.*

История кашмирского государства в период правления независимых мусульманских правителей-султанов (XIV–XVI вв.) исследовалась неоднократно и в течение довольно долгого времени¹. Тем не менее целый ряд ее аспектов не привлек достаточного внимания ученых и по этой причине все еще остается слабо изученным. Это относится, например, к вопросу о распространении в Кашмире ислама. Попытки связать этот процесс только с действием культурно-исторических факторов, общих для всей Северной Индии (целенаправленная политика правящих кругов по насаждению новой веры, активная миссионерская деятельность, привлекательность эгалитаристских установок ислама для индусов низших каст), следует признать неудачными, поскольку они оставляют без объяснения невиданный для Южной Азии масштаб исламизации (Коган 2008). Последняя, как известно, приняла в Кашмире почти тотальный харак-

¹ См., например, специально посвященную Кашмирскому султанату монографию Мохиб-уль-Хасана (Hasan 1959), а также обширные разделы о раннемусульманской эпохе в истории Кашмира в фундаментальных трудах Р. К. Парму (Parmu 1969) и П. Н. К. Бамзай (Bamzai 1973). Из новейших работ следует упомянуть исследование В. Слайе (Slaje 2005), посвященное ряду исторических и историографических проблем рассматриваемого периода.

тер. Недостаточная изученность данного вопроса, отсутствие глубокого анализа причин происходивших в кашмирском государстве радикальных и далекоидущих культурных изменений признается рядом современных исследователей². Наличие подобного рода неисследованных лакун, по нашему глубокому убеждению, привело к формированию неполного и нередко искаженного представления о средневековом Кашмире и кашмирцах. Более того, оно обусловило недостаточное понимание проблем, имеющих в регионе в наши дни, поскольку именно период султаната был наиболее важным в этно- и культурогенезе современного кашмирского народа.

К числу вопросов, оставленных без должного внимания исследователей, относится, как ни странно, и вопрос о генезисе Кашмирского султаната. Началом его истории принято считать приход к власти основателя первой кашмирской мусульманской династии Шах Мира в первой половине XIV в.³ Историчность Шах Мира, известного также как Шах Мирза, едва ли можно поставить под сомнение, однако несомненно также и то, что его личность окутана многочисленными легендами, а обстоятельства его появления в Кашмирской долине все еще не вполне ясны.

Такое положение вещей сохраняется еще и потому, что источники, привлекаемые учеными при изучении данного периода, сводятся исключительно или преимущественно к кашмирским хроникам, составленным в XV–XVIII вв. Между тем сделанное авторами этих хроник описание событий, приведших к образованию султаната, содержит немало сведений легендарного характера. Это представляется естественным, если учесть, что время жизни хронистов и описываемую ими эпоху разделял весьма существенный временной промежуток (даже самая ранняя из дошедших до нас кашмирских хроник мусульманского времени была составлена более чем через век после воцарения Шах Мирзы). Период же, непосредственно предшествовавший установлению власти султанов – XIII и начало XIV в., – описан кашмирскими авторами настолько фрагментарно, что составить о нем даже самое общее представление, основываясь только на их хрониках, не представляется возмож-

² См., например: Pandit 1991.

³ Согласно кашмирскому хронисту XV в. Джонарадже, это событие следует датировать 1339 г. (Medieval... 1993).

ным. Между тем без такого представления анализ событий последующей эпохи, вероятнее всего, будет сопряжен с немалыми, возможно, непреодолимыми трудностями. В такой ситуации исследователь едва ли может обойтись без активного привлечения данных иных, некашмирских источников, а также без исторических реконструкций.

Важнейшим событием кашмирской истории в XIII в., вне всякого сомнения, было монгольское завоевание, положившее конец многолетней изоляции страны и надолго (не менее чем на столетие) связавшее Кашмир с рядом регионов Ближнего и Среднего Востока. Долгое время тема монгольско-кашмирских отношений интересовала почти исключительно специалистов по истории монголов и не привлекала должного внимания историков-индологов. В нашей недавней работе (Коган 2012) мы, прибегнув к сравнительному анализу источников и (в отдельных случаях) к реконструкциям, попытались максимально подробно проанализировать период монгольских вторжений и монгольского владычества в Кашмире. Основным вывод, сделанный нами, состоял в том, что Кашмирский султанат представлял собой продукт распада Монгольской империи, а скрупулезный анализ эпохи господства монголов является необходимым условием понимания процессов, превративших кашмирское государство из индусского в мусульманское. Поскольку без такого понимания, в свою очередь, едва ли возможно составить адекватное представление о начальном периоде истории султаната, мы считаем целесообразным дать ниже краткое описание событий эпохи монгольского господства в Кашмире, какими они представляются при современном уровне знаний.

Впервые Кашмир был завоеван монголами в 1235 г., в царствование великого хана Угэдэя. В начале 40-х гг. XIII в., в период нестабильной центральной ханской власти и междоусобиц, кашмирскому правителю удалось на время восстановить независимость. Однако уже в 1252 или 1253 г., при незадолго до того взошедшем на престол великом хане Мункэ, был организован новый поход на Кашмир, результатом которого явилось восстановление монгольского контроля над страной.

Последствия этих событий были неодинаковыми для разных частей Кашмирской долины, причиной этого являлась политическая обстановка, сложившаяся накануне вторжения монголов.

В XII – начале XIII в. кашмирское государство переживало период политической раздробленности. Цари обладали реальной властью лишь на небольшой территории, включавшей земли вдоль реки Джелам, в том числе столицу – город Сринагар. Остальные районы Кашмира царской династией не управлялись и де-факто представляли собой конгломерат множества мелких феодальных владений, правители которых (*дамары*) почти постоянно находились в состоянии войны друг с другом, а также сринагарскими царями. Монгольское завоевание изменило ситуацию радикальным образом. Цари, признав вассальную зависимость от Чингизидов, сохранили престол, а подвластным им землям была оставлена внутренняя автономия. Области же, управлявшиеся ранее дамарами, были (во всяком случае, в значительной своей части) уже после похода 1235 г. присоединены к владениям монголов на Среднем Востоке⁴. Вероятнее всего, на такой шаг монголов толкнула необходимость обеспечения на покоренных территориях политической стабильности, без которой был бы крайне затруднен сбор налогов.

После фактического распада единой Монгольской империи Кашмир оказался под властью одного из ее осколков – государства Хулагуидов (ильханов). Позднее (на рубеже XIII и XIV вв.) он вместе с рядом сопредельных территорий (в пределах нынешнего Афганистана и Северного Пакистана) стал ареной борьбы между Хулагуидами и их соседями Чагатаидами – монголами Средней Азии. Эта борьба⁵ завершилась победой последних к 20-м гг. XIV в. С установлением чагатайского господства, по всей видимости, и стартовали процессы, результатом которых стало образование Кашмирского султаната. Именно в период после 1320 г. происходит постепенное возвышение Шах Мира, его превращение сначала в фактического, а затем и в официального правителя страны. Шах Мир был выходцем из области Сват⁶ и принадлежал к управлявшей этой областью мусульманской династии. Воспользовавшись охватившей Кашмир политической нестабильностью, он подчинил своему влиянию местную знать и в конце концов сосредоточил в своих руках всю реальную власть, самолично назначая царей. При этом он

⁴ Подробнее см.: Коган 2012.

⁵ Подробнее о ней см.: Там же.

⁶ Область охватывала долину одноименной реки – левого притока Кабула – и, вероятно, ряд соседних районов. Ныне входит в состав Пакистана.

сохранял постоянные контакты с родиной, что с немалой долей вероятности позволяет говорить о переходе Кашмира под власть сватского правящего дома. Сам Сват в свою очередь находился в вассальной зависимости от Чагатаидов, и Шах Мир, таким образом, являлся фактическим проводником чагатаидского влияния⁷.

В 30-е гг. XIV в. после смерти царя Удьянадевы Шах Мир пресек попытку захвата власти царской вдовой Котой Рани и официально занял кашмирский престол. Это событие принято считать началом истории Кашмирского султаната, что, на наш взгляд, не вполне обоснованно. В нашем распоряжении нет никаких свидетельств того, что со сменой правящей династии в Кашмире завершилось монгольское владычество. Есть все основания считать, что Шах Мир и после официального прихода к власти оставался вассалом чагатайских правителей. Вместе с тем представляется несомненным, что воцарение первой династии кашмирских султанов и получение кашмирским государством независимости – события хронологически близкие. Уже во второй половине 30-х гг. XIV в. в Чагатайском улусе шли быстрые дезинтеграционные процессы, а в следующем десятилетии он фактически утратил политическое единство (Бартольд 1963). Едва ли образование независимого султаната в Кашмире не было следствием ослабления государства-сюзерена. Однако точной датировке это событие не поддается, и в силу этого следует признать, что верхняя хронологическая граница султанского периода кашмирской истории остается размытой. *Terminus post quem* следует считать начало 30-х гг. XIV столетия, а *terminus ante quem* – 50-е гг., когда, согласно в целом надежным летописным сведениям, Кашмир уже представлял собой вполне независимое государство, проводившее к тому же агрессивную внешнюю политику. Окончание эпохи султаната, в отличие от начала, может быть датировано вполне четко. Им следует считать завоевание кашмирского государства Великими Моголами в 1586–1587 гг., приведшее к полной утрате страной политической независимости.

⁷ Подробнее см.: Коган 2012. Установление тесных связей Свата с Кашмиром или, возможно, с некоторыми его частями должно было относиться к более раннему времени, чему не мог не способствовать тот факт, что обе области уже в XIII в. были объединены в одно политическое целое благодаря монгольским завоеваниям.

Рассматриваемый нами исторический период охватывал, таким образом, без малого два с половиной века.

Тот факт, что образованию Кашмирского султаната предшествовал примерно столетний период монгольского владычества, позволяет поставить вопрос о возможном наличии в мусульманском Кашмире (особенно на ранних этапах его существования) некоторых особенностей административного, политического, экономического и социального устройства, характерных для монгольских государств. Анализ ряда источников позволяет ответить на этот вопрос положительно. Есть, например, основания считать, что «монгольское наследие» в определенной мере сохранялось в налоговой системе. Известно, что при первых пяти султанах в Кашмире собирался особый вид подати под названием *тамга*. Данный термин, вне всякого сомнения, пришел из монгольской административной системы, где он обозначал торговый налог. Тамга собиралась во всех странах, покоренных монголами, и ее появление связывают именно с монгольскими завоеваниями (Нефедов 2008). В конце XIV в. султан Сикандар (1389–1413) реформировал налогообложение с целью привести его в соответствие с нормами мусульманского права. В рамках этой реформы тамга была отменена (The Tabaqat-i-Akbari 1939; Hasan 1959). Позднее она, по-видимому, стала собираться снова. На это указывает тот факт, что упразднение тамги вторично упоминается в источниках в связи с завоеванием Кашмира Великими Моголами в конце XVI в. (The Ain-i-Akbari 1873–1907; Hasan 1959). Таким образом, некоторые элементы монгольской системы управления весьма прочно укоренились в Кашмирском султанате.

* * *

Эпоха Средневековья была для кашмирского общества временем глубоких изменений как в духовной культуре, так и в хозяйстве. Экономика раннесредневекового Кашмира базировалась на заливном рисоводстве, которое было возможным благодаря функционированию крупных гидротехнических сооружений. Строительство и ремонт этих сооружений являлись прерогативой государства (Коган 2011а; 2011б). Впоследствии на смену этой системе хозяйства пришла новая, более сложная. Она включала как орошаемое, так и богарное земледелие, а также скотоводство. При этом ирригационные и дренажные сооружения строились и под-

держивались в рабочем состоянии прежде всего силами небольших сельских общин. Такую экономическую систему застали в Кашмире европейцы, и наиболее полное ее описание было сделано в колониальное время⁸.

Когда же произошла эта весьма важная для страны хозяйственная трансформация? Естественно предположить, что она имела место в период между ранним Средневековьем и XIX в., то есть в мусульманское время. Отдельные документальные свидетельства дают основание полагать, что уже в XVI в. структура кашмирской экономики была (во всяком случае, по некоторым параметрам) сходна с таковой в Новое время. Так, в известном историческом труде Тарих-и-Рашиди, написанном в Кашмире в 1541–1546 гг. кашгарским государственным деятелем и военачальником Мирзой Мухаммедом Хайдаром⁹, говорится, что земли Кашмирской долины подразделяются на поливные, богарные, земли, отводимые под сады, и невозделываемые луга по берегам рек и озер (Мирза Мухаммед Хайдар 1996: 533). Сходную картину рисует в конце того же столетия визирь могольского падишаха Акбара Абу-л Фазл Аллами. Согласно ему, в конце XVI в. (то есть сразу после завоевания Кашмирского султаната Великими Моголами) пахотные земли в Кашмире либо орошались искусственно, либо зависели от дождей (The Ain-i-Akbari 1873–1907: 347). Оба сообщения ясно указывают на важную роль богарного земледелия в сельском хозяйстве страны в эпоху позднего султаната. Судить о ситуации в более раннее время достаточно сложно в виду отсутствия прямых указаний в исторических документах. Однако есть ли косвенные свидетельства? Ответить на этот вопрос можно, только зная ответ на другой: какие именно факты могут косвенно указывать на трансформацию экономики?

Как известно, одной из важнейших характеристик любой системы является способность отвечать на внешние вызовы. В случае с экономическими системами такими вызовами могут быть, с одной стороны, социально-политические, с другой – природные фак-

⁸ См., например: Lawgense 1895. Сохранялась она и в более позднюю эпоху (Пуляркин 1967), а многие ее элементы существуют и по сей день.

⁹ Мирза Мухаммед Хайдар впервые посетил Кашмир во время военного похода 1533 г. В 1540 г. он вновь завоевал страну и в течение последующих 10 лет был ее фактическим правителем. Местный султан при этом сохранял номинальную власть.

торы. Естественным образом реакция на них во многих случаях будет разной у разных систем: изменения внешних условий, безвредные или даже благотворные при одной структуре хозяйства, при другой могут оказаться пагубными, а то и губительными. С какими внешними вызовами сталкивалась в разные эпохи экономика Кашмира? В домусульманское время таким вызовом, несомненно, была политическая нестабильность и неустойчивость власти. Урожай риса напрямую зависели от исправности гидротехнических сооружений, которая, в свою очередь, определялась способностью царей эффективно руководить ирригационными и дренажными работами (Селиванова 1985; Коган 2011б). Эффективное же руководство было невозможно в периоды беспокойной политической обстановки и борьбы за престол, когда слабые правители были озабочены исключительно сохранением власти и устранением политических конкурентов. Ситуация усугублялась еще и тем обстоятельством, что кашмирские крестьяне, по всей видимости, были неспособны решать проблемы орошения и противостоять наводнениям самостоятельно, без вмешательства сверху (Коган 2011б). Зависимость состояния экономики и уровня жизни населения от стабильности центральной власти в раннесредневековом Кашмире была столь велика, что 15 лет неустойчивого правления иногда было достаточно для возникновения голода¹⁰.

В эпоху султаната мы наблюдаем совершенно иную картину. Хотя дворцовые перевороты и сменявшие друг друга слабые султаны, лишённые реального влияния, были характерной чертой мусульманского Кашмира на протяжении значительной части его истории, неустойчивость трона, по всей видимости, слабо или вовсе не отражалась на экономическом благополучии подданных. Яркой иллюстрацией этого тезиса является ситуация на рубеже XV и XVI вв. В период с 1484 по 1528 г. на кашмирском престоле попеременно сменяли друг друга 2 правителя – Мухаммед Шах (1484–1487, 1499–1505, 1516–1528) и Фатх Шах (1487–1499, 1505–1516). Оба султана были марионетками в руках враждовавших придворных клик. Возглавлявшие эти клики влиятельные феодалы сосредоточили в своих руках всю реальную власть над страной и фактиче-

¹⁰ Это можно наглядно продемонстрировать на примере событий начала X в. После смерти царя Шанкаравармана (883–902) в Кашмире начался период дворцовых переворотов и слабых правителей. В 917 г. страну поразил массовый голод.

ски поделили ее между собой. Такая ситуация явилась результатом процесса внутренней дестабилизации и ослабления монаршей власти, протекавшего при султанах Хайдар Шахе (1470–1472) и Хасан Шахе (1472–1484). Политическая обстановка, сложившаяся в кашмирском государстве во время их правления, многим походила на таковую в XI–XII вв., когда подлинными хозяевами страны были крупные землевладельцы – дамары. Сходство это, однако, ограничивается лишь политикой и совершенно не распространяется на экономику. Если конец XI и XII в. были для Кашмира временем жесточайшего экономического кризиса, массового голода и депопуляции¹¹, то в Кашмирском султанате ничего подобного не наблюдалось. Период между 1470 и 1528 г. достаточно подробно освещен в источниках, и нигде в связи с ним нет упоминаний о голодовках или неурожаях. Это дает основания полагать, что в данный период, в отличие от домусульманского, госрегулирование не являлось необходимым условием успешного функционирования кашмирской экономики.

Интересно также отметить, что, в отличие от индусских царей, мусульманские правители Кашмира не занимались строительством гидротехнических сооружений. Исключением был лишь султан Зайн-уль-Абидин (1420–1470), о котором речь пойдет ниже. Поскольку важнейшей продовольственной культурой страны всегда был (и остается) рис, а рисоводство в Кашмирской долине невозможно без искусственного орошения (Пуляркин 1956; 1967), представляется несомненным, что потребность в исправно работающих ирригационных системах существовала на протяжении всей эпохи султаната. До Зайн-уль-Абидина и после него эта потребность должна была удовлетворяться не государством, а обществом, как это было и в более поздние эпохи. Отсутствие централизации в управлении гидротехническими работами, вероятнее всего, явилось тем фактором, благодаря которому хозяйственная система стала практически неуязвимой для влияния внутривнутриполитических факторов.

Было бы, однако, совершенно неверным считать Кашмирский султанат страной всеобщего благоденствия с бесперебойно функ-

¹¹ Подробнее см. нашу недавнюю работу (Коган 2011б), где данная эпоха охарактеризована нами как время комплексного социально-экологического кризиса.

ционировавшей экономикой. Неоднократные упоминания о голодовках, встречающиеся в исторических источниках, четко свидетельствуют о том, что в султанское время, как и в домусульманское, хозяйственная система Кашмира сталкивалась с внешними вызовами. Каковы были эти вызовы?

Исходя из летописных сведений, можно утверждать, что голод мог вызываться несколькими разными причинами. Одной из них были нашествия иноземцев, сопровождавшиеся грабежами, разорением и наносившие огромный ущерб сельскому хозяйству. Таким был, в частности, набег на Кашмир, совершенный в 1533 г. упоминавшимся выше Мирзой Мухаммедом Хайдаром. Последний руководил частью войска кашгарского правителя Саид Хана, возвращавшегося из похода в Тибет. Поход завершился в зимнее время, когда перевалы, ведущие в Восточный Туркестан, были непроходимы. При этом на суровом и бесплодном северо-западе Тибетского нагорья многочисленные кашгарцы не смогли найти достаточно провизии, что вынудило их искать другое место для зимовки. В качестве такового и была выбрана Кашмирская долина (Мирза Мухаммед Хайдар 1996; Baharistan-i-Shahi 1991). Вступив на территорию Кашмира, кашгарские войска подвергли страну разграблению, но столкнулись с упорным сопротивлением кашмирцев. Это сопротивление в конечном итоге вынудило Мирзу Мухаммеда Хайдара заключить перемирие и вместе с войском покинуть пределы кашмирского государства. Вскоре после ухода кашгарцев в 1534 г. разразился голод, причины которого вполне убедительно объясняют сами кашмирские хронисты: из-за военных действий и сопровождавших их грабежей и насилия сельскохозяйственные работы начались позже необходимого срока, вследствие чего урожай, не успев созреть, погиб с наступлением зимних холодов (Baharistan-i-Shahi 1991).

Следует отметить, что в отличие от голода 1534 г. остальные голодовки эпохи султаната, отмеченные в хрониках, имели место в условиях мира с соседями и, как правило, достаточно стабильного правления. Так, страшный голод поразил страну в 1460 г. при султানে Зайн-уль-Абидине, время царствования которого нередко считается эпохой наивысшего расцвета мусульманского Кашмира. Очевидец события хронист Шривара сообщает, что причиной голода был ранний снегопад, уничтоживший урожай риса (Medie-

val... 1993). Тот факт, что гибель урожая немедленно привела к массовому голоду, заслуживает внимания. Он свидетельствует об отсутствии у крестьян достаточных запасов зерна на случай неурожая. Теоретически причин у такой ситуации может быть две: частые недороды и высокие налоги. Применительно к Кашмиру XIV–XV вв. первая причина представляется маловероятной. Если бы сельское хозяйство страны страдало от постоянных недородов, голодовки должны были бы стать достаточно частым явлением, что противоречит летописным данным: до 1460 г. кашмирцы не знали голода на протяжении более чем столетия. Налоги в кашмирском государстве во все времена собирались зерном, а потому их величина имела прямое отношение к продовольственной безопасности. Понимая это, Зайн-уль-Абидин снизил во время голода поземельный налог до 1/4, а в наиболее пострадавших районах – до 1/7 урожая (The Tabaqat-i-Akbari 1939; Hasan 1959; Parmu 1969). Много это или мало? Известно, что в годы царствования Шах Мира поземельный налог составлял 1/6 урожая. Это означает, что ко второй половине XV в. налоговое бремя увеличилось более чем в 1,5 раза. Причина увеличения хотя и не указывается в источниках прямо, но представляется нам достаточно очевидной. Период правления Зайн-уль-Абидина вошел в историю как время интенсивного строительства. По инициативе и под руководством султана были построены новые города, прорыты оросительные каналы, созданы искусственные острова на озерах¹². Естественно, такие масштабные общественные проекты требовали немалых затрат, что не могло не привести к росту налогов. Следует иметь в виду, что зерно (прежде всего рис) в средневековом Кашмире было основным средством оплаты труда. В подобных условиях бурное развитие инфраструктуры должно было лечь тяжким грузом на плечи сельских жителей.

В следующем, XVI столетии кашмирское государство сталкивалось с массовыми голодовками трижды: в 1534, 1576 и 1597 гг. Есть основания полагать, что две из них (1576 и 1597 гг.) имели место в условиях усиления налогового бремени. Голод 1576 г. пришелся на период правления султана Али Шаха (1569–1579) из династии Чакидов. Эта династия воцарилась в 1561 г., сменив дина-

¹² Подробнее об общественных работах при Зайн-уль-Абидине см.: Medieval... 1993; Baharistan-i-Shahi 1991; Razia Bano 1991; Hasan 1959; Parmu 1969.

стию Шах Мира, и потеряла власть в результате завоевания Кашмира могольским падишахом Акбаром в 1586–1587 гг. В 1589 г. Великие Моголы установили в Кашмирской долине поземельный налог в размере 1/3 урожая для зерновых, убираемых осенью, то есть прежде всего для риса. Это было ниже, чем при прежних чакидских султанах (The Ain-i-Akbari 1873–1907; Parmu 1969). Таким образом, при Чакидах величина поземельного налога более чем вдвое превышала таковую при Шах Мире и составляла, возможно, немногим менее или даже более 40 % урожая. Первые годы могольского владычества в Кашмире были отмечены многочисленными случаями мошенничества и незаконного присвоения собранного в качестве налога зерна новоназначенными чиновниками, в том числе наместником Мирзой Юсуф Ханом (The Akbarnama... 1897–1939; Parmu 1969). Это заставило падишаха Акбара снова внести изменения в систему налогообложения. В рамках этих изменений размер поземельного налога был увеличен (The Ain-i-Akbari 1873–1907; Parmu 1969). Рост поборов больно ударил по кашмирской экономике, поставив страну на грань разорения (Parmu 1969)¹³. В дальнейшем при наместнике Асаф Хане налоговое бремя было несколько ослаблено, однако эта мера была, по всей видимости, недостаточной, и в 1597 г. Кашмирскую долину вновь поразил массовый голод.

Высокие налоги, вне всякого сомнения, были не единственной причиной голодовок. Выше уже говорилось, что голод 1460 г. был непосредственно вызван гибелью урожая из-за раннего выпадения снега. Аналогичные свидетельства имеются и для 1576 г.¹⁴ Повторяющиеся осенние снегопады следует считать свидетельством похолодания, связанного с наступлением Малого ледникового периода. Климатическая история рассматриваемого региона долгое время оставалась неизученной, однако к настоящему времени положение существенно изменилось. В начале нынешнего века коллективом швейцарских и немецких ученых была сделана реконструкция климата горных областей непосредственно к северу от Кашмир-

¹³ Тяжкий налоговый гнет явился одной из причин восстания 1592 г., руководство которым взял на себя двоюродный брат Мирзы Юсуф Хана Мирза Ядгар. Восстание было подавлено могольскими войсками в том же году, а его предводитель схвачен и обезглавлен (The Akbarnama... 1897–1939; Parmu 1969).

¹⁴ The Tabaqat-i-Akbari 1939; Razia Bano 1991.

ской долины (Esper *et al.* 2002). Эта реконструкция базировалась на дендроклиматических данных и охватывала период с начала VII в. по 2000 г.¹⁵ Согласно ей, пик похолодания приходился на вторую половину XV – XVII в. Как можно видеть, рассмотренные нами случаи массового голода в Кашмирском султанате входят в этот период. Следует иметь в виду, что ввиду теплолюбивости риса рисоводство – основа экономики Кашмира – с началом Малого ледникового периода, вероятнее всего, стало рискованным. Особенно опасной ситуация должна была становиться тогда, когда несколько аномально холодных лет непосредственно следовали друг за другом. Возможно, именно так обстояли дела в конце 70-х гг. XVI в., когда голод, начавшийся в 1576 г., продолжался 3 года (Razia Bano 1991; Parmu 1969).

Таким образом, голодовки в Кашмире эпохи султаната чаще всего были следствием взаимодействия природного и социально-экономического факторов. Механизм этого взаимодействия представляется нам следующим образом: высокие налоги в годы, непосредственно предшествовавшие неурожайному, лишали крестьян возможности запастись зерно, что и делало их беззащитными перед капризами погоды.

* * *

Факт существенной трансформации хозяйственной системы Кашмира представляется нам требующим объяснения. Заманчиво предположить априори, что эта трансформация являлась закономерным и естественным следствием жестокого социально-экологического кризиса конца XI – начала XIII в. При ближайшем рассмотрении, однако, естественность и закономерность протекавших в стране изменений не кажется столь уж очевидной. С позиций социоестественной истории состояние, в котором находились кашмирское государство и кашмирский этнос накануне монгольского завоевания XIII в., может быть охарактеризовано как бифуркационное, то есть состояние выбора нового пути развития. Чрезвычайно важное влияние на такой выбор всегда оказывает действие принципа минимума диссипации энергии: из множества возможных путей дальнейшей эволюции система (в нашем случае – соци-

¹⁵ Как показал в своей недавней монографии В. В. Клименко (2009), ее результаты достаточно хорошо согласуются со свидетельствами нарративных источников о климате Центральной и Восточной Азии в Средние века.

альная и этническая) выбирает тот, который сопряжен с наименьшими энергетическими затратами (Кульпин 1996б)¹⁶. Удовлетворяли этому условию переход к той структуре хозяйства, которая была характерна для мусульманского Кашмира? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо подробнее остановиться на последствиях кризиса для экономики Кашмирской долины, учитывая физико-географические особенности разных ее частей.

Фактический развал единого кашмирского государства в XII в. нанес экономике страны удар, от которого она не смогла оправиться. Постоянные междоусобные войны не могли не привести к разрушению многих ирригационных и дренажных систем (Селиванова 1985). Следствием этого должен был стать крах рисоводства на *карева* – плато, расположенных на склонах долины: возделывание риса в Кашмире невозможно без искусственного орошения, а последнее на *карева* осуществимо только при помощи крупных и сложных гидротехнических систем¹⁷. Именно с коллапсом экономической системы, базировавшейся на рисоводстве, по всей видимости, связан тот факт, что некоторые области, лежащие вне поймы р. Джелам, в XII в. обезлюдели (Коган 2011б). Однако на аллювиальной равнине, занимающей пойму, в том числе в районе столицы, рисовые поля сохранились. Сохранилась, вне всякого сомнения, и часть гидротехнических сооружений, построенных при индусских правителях. Некоторые из них существуют и по сей день. Захват страны монголами должен был положить конец внутренним распрям и тем самым позволить кашмирским царям (теперь уже вассальным) частично восстановить утерянную прежде реальную власть, пусть даже не на всей прежней территории¹⁸. Укрепление царской власти при наличии возможностей для занятия заливным рисоводством должно было способствовать сохранению прежних сельскохозяйственных технологий, а вовсе не появлению новых.

¹⁶ О принципе минимума диссипации как о фундаментальном законе, присущем эволюции материи, см.: Моисеев 1987. Действие этого принципа в жизни общества на примере русской истории рассмотрено в работе: Кульпин 1996а.

¹⁷ Остатки таких систем были обнаружены А. Стейном на примыкающих к *карева* горных склонах (Kalhana's... 1900: 200). В настоящее время рис выращивается почти исключительно на аллювиальной равнине, занимающей дно долины и лежащей на высоте не более 2000 м над уровнем моря (Пуляркин 1956; 1967).

¹⁸ Как уже говорилось, значительная часть Кашмира была присоединена монголами к своим владениям на Среднем Востоке уже после похода 1235 г.

Таким образом, смена системы хозяйствования не может считаться неизбежным следствием социально-экологического кризиса XI–XII вв. Кризис явился важным, но не единственным фактором, обусловившим перемены.

Необходимо иметь в виду, что технологические изменения в Кашмире теоретически могли вызываться как процессами, протекавшими внутри страны, так и действием определенных внешних сил. Если внутренние причины проследить не удастся, то представляется оправданным поставить вопрос о наличии внешних. Монгольское завоевание XIII в. привело к существенной перекройке государственных границ. Кашмирская долина, включенная в *Rax Mongolica*, оказалась объединенной в рамках одного политического целого с соседними областями, прежде всего с горными районами Восточного Гиндукуша и Каракорума. В нашем недавнем исследовании мы предприняли попытку реконструкции демографических процессов в этом регионе в Средние века и пришли к выводу, что в XII столетии он должен был страдать от перенаселения и острого земельного голода (Коган 2014). Следствием этого были вторжения горцев в Кашмир с целью захвата территорий (Он же 2011б).

Произошедшее в XIII в. насильственное политическое объединение некоторых частей опустошенной междоусобными войнами и голодом Кашмирской долины и перенаселенных горных областей к северу и северо-западу от нее не могло не стать фактором, благоприятствующим массовой миграции. Если такая миграция действительно имела место, ее последствия для Кашмира должны были заключаться в смене этнического состава населения, сопровождавшейся радикальными культурными (горцы исповедовали ислам и в силу этого должны были постепенно втягиваться в орбиту мусульманской культуры) и хозяйственными изменениями. Последние были неизбежны, поскольку система хозяйства жителей Гиндукуша и Каракорума резко отличалась от системы хозяйства кашмирского государства в домонгольскую эпоху. Как показали исследования в области политической антропологии, в регионах с горным рельефом практически невозможно возникновение и существование централизованных государств, главная причина чему – затрудненность коммуникации между долинами (Коротаев 1995). При отсутствии же сильной центральной власти оказывается нежизнеспособной экономическая модель, характеризующаяся важ-

ной ролью госрегулирующего, подобная той, что существовала в раннесредневековом Кашмире.

По этой причине у северных соседей кашмирского государства сложилась хозяйственная система, лишенная единого центра, в рамках которой каждая крупная долина представляла собой фактически самодостаточную в экономическом отношении единицу. Основными отраслями экономики были земледелие (богарное и орошаемое) и отгонно-пастбищное скотоводство¹⁹. Ирригационные сооружения обычно строились силами одной или нескольких деревень, пастбища часто делились между родами. Как можно видеть, данная система хозяйства целым рядом черт напоминает таковую в Кашмирской долине в мусульманское время и позднее. Однако есть ли основания считать это сходство генетическим? Некоторые исторические факты, зафиксированные в письменных источниках, позволяют ответить на этот вопрос положительно.

Речь идет прежде всего о фактах, которые можно рассматривать как свидетельства массовой иммиграции с севера и северо-запада. Так, Абу-л Фазл Аллами в своем знаменитом труде *Айн-и-Акбари* (The Ain-i-Akbari 1873–1907), перечисляя этнические группы, населявшие различные округа Кашмирской долины, неоднократно упоминает *дардов*. Это название издавна применялось в Кашмире для обозначения северных соседей – жителей горных долин Каракорума и Гиндукуша²⁰. Следует, впрочем, отметить, что в качестве самоназвания данный термин широкого распространения не имеет и, вероятно, не имел в прошлом. Поэтому есть основания предположить, что какая-то часть переселенцев с севера восприняла его от местных жителей. Иммигранты, несомненно, принадлежавшие к разным этносам²¹, на определенном историческом

¹⁹ Подробнее о хозяйстве разных районов Восточного Гиндукуша и Каракорума см., например: Barth 1956; Ehlers, Kreutzmann 2000; Jettmar 2001.

²⁰ В древних и раннесредневековых санскритских текстах это название выглядело как *dārada*-. Уже в античное время оно было известно грекам и римлянам. Во второй половине XIX – первой половине XX в. его достаточно часто употребляли европейские ученые. В это же время в качестве названия горной страны к северу от Кашмира стал применяться термин «Дардистан».

²¹ Население Дардистана отличается исключительной этнической и языковой пестротой. Достаточно сказать, что дардская группа (входящая в арийскую ветвь индоевропейской языковой семьи) включает около 20 языков. Кроме нее в рассматриваемом регионе распространены близкородственные дардским иранские и нуристанские языки, ряд тибетских диалектов, а также язык бурушаски.

этапе могли использовать этноним *дарды* для противопоставления себя аборигенному населению.

В кашмирских хрониках мусульманского времени имеются прямые указания на миграцию с севера целых племен и заселение ими некоторых областей Кашмирской долины. Таково, в частности, племя *чак*, из которого происходили султаны упоминавшейся выше династии Чакидов. Согласно летописным сведениям, это племя переселилось в Северный Кашмир из Дардистана в начале XIV в. (Baharistan-i-Shahi 1991; Razia Vano 1991). Иногда в качестве его родины указывается долина Гильгит (Baharistan-i-Shahi 1991)²². Об истории чаков в последующие более чем сто лет в источниках ничего не сообщается, на основании чего можно предположить, что в этот период племя ничем особым себя не проявило. Его выход на историческую арену относится к периоду правления Зайн-уль-Абидина. Накануне посещения султаном области Камраз (Камраджд)²³ проживавшие в ней чаки, которым предстояло в принудительном порядке переносить грузы для султанского каравана, подняли восстание и подожгли монаршую резиденцию. Посланные в Камраз войска не смогли сразу подавить мятеж, быстро принявший форму партизанской войны. В конце концов Зайн-уль-Абидин сумел привлечь на свою сторону значительную часть местных жителей и с их помощью пленил главаря повстанцев вместе с членами его семьи и родственниками (*Ibid.*). Все боеспособные мужчины из числа пленников были казнены, а женщины и дети депортированы в Южный Кашмир (*Ibid.*; Medieval... 1993). Часть чаков, однако, осталась в Северном Кашмире и проживала вблизи города Купвары (Baharistan-i-Shahi 1991).

В дальнейшем султаны и крупные феодалы, по всей видимости, достаточно активно привлекали на службу представителей обеих ветвей племени. Во время борьбы за престол между Мухаммед Шахом и Фатх Шахом сделал блистательную карьеру Шамс Чак из Купвары. При Фатх Шахе он в течение четырех месяцев был фактическим главой государства (*Ibid.*). В последний срок правления Мухаммед Шаха Каджи Чак, принадлежавший к южнокашмирской ветви, занимал пост главного визиря (Hasan 1959). В первой поло-

²² На границе Восточного Гиндукуша и Западного Каракорума. Ныне контролируется Пакистаном.

²³ Древняя Крамараджья на севере Кашмира.

вине XVI в. чаки являлись самой влиятельной феодальной группировкой в Кашмире, а во второй половине того же столетия они превратились в правителей государства не только де-факто, но и де-юре: в 1561 г. ими был лишен власти последний султан из династии Шах Мира Хабиб Шах (1557–1561), и взошедший на трон Гази Хан Чак положил начало династии Чакидов.

Сообщения о чаках в исторических документах содержат некоторые факты, чрезвычайно интересные с точки зрения этнической истории Кашмира. Прежде всего следует обратить внимание на то обстоятельство, что политическое возвышение племени, вступление отдельных его представителей в феодальную элиту началось почти через два века после переселения в Кашмирскую долину. Основным фактором, способствовавшим этому возвышению, а возможно, даже обусловившим его, было повышенное внимание к чакам со стороны центральной власти после мятежа времен Зайн-уль-Абидина. До этого события племя, по-видимому, обладало достаточно низким социальным статусом, что следует, в частности, из того факта, что его члены принуждались к подневольному труду. Вторым важным моментом является многочисленность чак. Она вытекает, в частности, из данных, приведенных Абу-л-Фазлом Аллами. Согласно Айн-и-Акбари племя чак в конце XVI в. было единственной этнической группой, проживавшей в округе Камраджд (The Ain-i-Akbari 1873–1907). Разумеется, в данном случае нельзя исключить определенного упрощения реальной ситуации: в действительности население округа, вероятно, не было моноэтничным. Однако если бы чаки не составляли значительной его части, подобное упрощение едва ли было бы возможным.

Таким образом, данные письменных источников дают все основания полагать, что миграция в Кашмирскую долину с севера и северо-запада носила массовый характер и охватывала различные социальные слои. Вероятнее всего, это справедливо не только для племени чак, но и для других групп иммигрантов. Можно, например, предположить массовое переселение из долины Свата. На такую возможность указывают результаты лингвистических исследований последних лет (Коган 2011в; Васильев, Коган 2013). Они, в частности, показали, что в средневековом Кашмире произошла смена языка. Некогда распространенный в Кашмирской долине индоарийский язык был вытеснен языком другой группы – дардской.

Этот последний стал предком для современного языка кашмири (Коган 2011в). При этом ряд фактов, например следы возможных контактов данного языка с другими языками дардской группы, позволяют с немалой долей вероятности предполагать, что его носители до переселения в Кашмир проживали именно в долине реки Сват или близлежащих областях (Васильев, Коган 2013).

Тот факт, что иммигранты-дарды первоначально оседали прежде всего в Северном Кашмире, представляется нам вполне закономерным. Находившиеся до монгольского завоевания под контролем дамаров северные районы, несомненно, входили в число тех областей Кашмирской долины, которые были присоединены монголами к своим среднеазиатским и средневосточным владениям после похода 1235 г. и оказались в результате этого политически объединенными с Дардистаном. Поэтому вполне естественно, что именно сюда в первую очередь устремился поток переселенцев и именно здесь, вероятнее всего, стал распространяться принесенный ими тип хозяйства. В столичном регионе, сохранявшем внутреннюю автономию и индусскую царскую династию вплоть до 30-х гг. XIV в., эти процессы должны были начаться (а следовательно, и закончиться) существенно позднее. Они, вероятнее всего, заняли здесь значительную, а возможно, и большую часть периода султаната. Следует отметить, что распад Чагатайского улуса и образование независимого мусульманского кашмирского государства недолго были сдерживающим фактором для иммиграции. При султана Шихаб-уд-Дине (1354–1373) в результате завоевательных походов под власть Кашмира попал целый ряд горных областей Каракорума и Гиндукуша, включая и долину Свата (Baharistan-i-Shahi 1991), и политические препятствия для миграционных потоков вновь исчезли.

Литература

Бартольд, В. В. 1963. История Туркестана. В: Бартольд, В. В., Соч.: в 9 т. Т. II. Ч. 1. М.

Васильев, М. Е., Коган, А. И. 2013. К вопросу о восточnodардской языковой общности. *Вопросы языкового родства* 10: 149–178.

Клименко, В. В. 2009. *Климат: непрочитанная глава истории*. М.: МЭИ.

Коган, А. И.

2008. «Белые пятна» этнических процессов в Кашмире. *История и современность* 1: 99–112.

2011а. Трансформация культуры и технология основного хозяйственного процесса в Кашмирской долине в VIII – XIX вв. *История и современность* 1: 114–128.

2011б. Социально-экологический кризис в Кашмире в XI–XII веках. В: Кульпин-Губайдуллин, Э. С., *Природа и общество: общее и особенное*: сб. материалов XXI международной конференции «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории» (с. 105–127). М.: ИАЦ «Энергия».

2011в. К характеристике индоарийских элементов в языке кашмири. *Вопросы языкового родства* 5: 23–47.

2012. Еще раз о монгольских завоеваниях и монгольском владычестве в Кашмире. *История и современность* 1: 90–110; 2: 75–92.

2014. Кашмир и его соседи в XII–XIII вв. *Восток* 4.

Коротаев, А. В. 1995. Горы и демократия: к постановке проблемы. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность* 3: 18–26.

Кульпин, Э. С.

1996а. О принципе минимума диссипации энергии в жизни социума. *Пятая научная конференция «Человек и природа – проблемы социоестественной истории»*. М.

1996б. *Бифуркация Запад – Восток*. М.: Московский лицей.

Мирза Мухаммед Хайдар. 1996. *Тарих-и-Рашиди*. Ташкент: Фан.

Моисеев, Н. Н. 1987. *Алгоритмы развития*. М.: Наука.

Нефедов, С. А. 2008. Теория культурных кругов (на основе анализа монгольских завоеваний). *История и современность* 1: 189–225.

Пуляркин, В. А.

1956. *Кашмир*. М.: Географгиз.

1967. Природные условия и сельское хозяйство Кашмирской долины. *Страны и народы Востока*. Вып. V. *Индия – страна и народ* (с. 195–209). М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры.

Селиванова, Т. П. 1985. *Социально-экономический строй средневекового Кашмира (по данным «Раджатарангини» Калханы, XII в.)*: дис. ... канд. ист. наук. Л.

The Akbarnama of Abu-l-Fazl / transl. from the Persian by H. Beveridge. Volume I–III. Calcutta, 1897–1939.

Baharistan-i-Shahi. A Chronicle of Mediaeval Kashmir / transl. by K. N. Pandit. Calcutta, 1991.

Bamzai, P. N. K. 1973. *A History of Kashmir, Political, Social, Cultural from the Earliest Times to the Present Day.* New Delhi: Metropolitan Book Co. (Pvt.) Ltd.

Barth, F. 1956. *Indus and Swat Kohistan. An Ethnographic Survey.* Oslo.

Ehlers, E., Kreutzmann, H. (eds.). 2000. *High Mountain Pastoralism in Northern Pakistan.* Stuttgart.

Esper, J., Schweingruber, F. H., Winiger, M. 2002. 1300 years of Climatic History for Western Central Asia Inferred from Tree-rings. *The Holocene* 12(3): 267–277.

Hasan, M. 1959. *Kashmir under the Sultans.* Calcutta.

Jettmar, K. 2001. Northern Areas of Pakistan – an Ethnographic Sketch. In Dani, A. H., *History of Northern Areas of Pakistan (up to 2000 A.D.)* (pp. 68–97). Lahore.

Lawrence, W. R. 1895. *The Valley of Kashmir.* London.

Medieval Kashmir. Being a Reprint of the Rajataranginis of Jonaraja, Shrivara and Shuka, as Translated into English by J. C. Dutt and Published in 1898 A. D. under the Title “Kings of Kashmir”, Vol. III / ed. by S. L. Sadhu. New Delhi, 1993.

Pandit, K. N. 1991. Introduction. Baharistan-i-Shahi. *A Chronicle of Mediaeval Kashmir* / transl. by K. N. Pandit. Calcutta.

Parmu, R. K. 1969. *A History of Muslim Rule in Kashmir, 1320–1819.* Delhi: People’s Publishing House.

Razia Bano (ed.) 1991. *History of Kashmir by Haider Malik Chadurah* / transl. by Razia Bano. Delhi: Bhavna Prakashan.

Slaje, W. 2005. Kaschmir im Mittelalter und die Quellen der Geschichtswissenschaft. *Ino-Iranian Journal* 48: 1–70.

Kalhana's Rajatarangini or Chronicle of the Kings of Kashmir. Vol. I / transl. by M. A. Stein. Westminster, 1900.

The Ain-i-Akbari by Abu-l-Fazl Allami / transl. by H. Blochmann. Vol. I–III. Calcutta, 1873–1907.

The Tabaqat-i-Akbari of Khwajah Nizamuddin Ahmad (A History of India from the Early Musalman Invasions to the Thirty-Eighth Year of the Reign of Akbar). Vol. III / transl. by B. De; ed. by B. Prasad. Calcutta, 1939.